

№ 1 Л. Н. Толстой PENSÉE LIBRE АВГУСТЪ 1899

ПО ПОВОДУ КОНГРЕССА О МИРЕ

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

Письмо к шведам

ИЗДАНИЕ ШВЕЙЦАРСКАГО ОТДѢЛА РЕДАКЦІИ

Духовное Наследіе Льва Толстого. Подъ редакціей П. Вирю
Группа Романа Алмухова ВКонтакте 1899 год

<p>Адресъ редакціи: PAUL VIRUKOFF Ancienne route de Bernex, 49. Opex près Genève, Suisse.</p>	<p>Depot: M. ELPIDINE Libraire-Éditeur Route St. Julien, 20. Carouge (Genève).</p>
--	---

ИТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ ГААГѢ

Злобой дня въ международныхъ отношеніяхъ является лицемерная конференція въ Гаагѣ. Многое ожидалось отъ нея легковѣрными людьми, много напущѣлъ въ Англии Стэдъ, женскія общества неумолкаемо выражали сочувствія и надежды, но ничего не помогло. Большая часть манифестацій была даже недопущена конференціей и всё дѣла ея рѣшено было вести въ тайнѣ. „Чего стыдиться, того и таиться!“ За закрытыми дверями всегда совершается что нибудь скверное.

Письмо-статья «По поводу конгресса о мире» было вызвано обращением к Толстому группы шведских интеллигентов-пацифистов в связи с созывавшейся, по инициативе императора Николая II, мирной конференцией в Гааге в мае 1899 г.

Шведы писали, что одним из средств, содействующих разоружению государств и установлению мира, они считают отказы от военной службы и поэтому предполагают добиться на конференции от правительств, участвующих в ней, смягчения участи отказывающихся путем допущения для них замены военной службы каким-либо общепольным трудом. «Собравшиеся правительственные уполномоченные, — писали они, — должны будут выслушать наше заявление, так как самая цель конгресса не позволит отнестись без внимания к такому важному, в интересах гуманности, заявлению». В заключение шведы просили Толстого «обратить на это внимание царя или его министров, а также и публики». 1

Толстой в своём ответе не просто высмеивает наивности западного буржуазно-либероидного пацифизма, но и жестоко, по заслугам, ОБЛИЧАЕТ пацифистствующую интеллигентскую сволочь, которая, со своими спектаклями «мирных конгрессов» и «миротворной» фразеологией — просто стала на идеологическую службу правительствам, которые и не могут, и не желают ни разоружаться, ни отменять рабство военной службы.

(Текст приводится по изданию:

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т.

Том 90. С. 60 – 66.

Файл подготовил: X.P. Leonet)

ПО ПОВОДУ КОНГРЕССА О МИРЕ

(Письмо к шведам. 1899 г.)

60

Милостивые государи!

Мысль, высказанная в прекрасном письме вашем о том, что всеобщее разоружение может быть достигнуто самым легким и верным путем посредством отказа отдельных лиц от участия в военной службе, — совершенно справедлива. Я даже думаю, что это единственный путь избавления людей от всё усиливающихся и усиливающихся ужаснейших бедствий военщины. Мысль же ваша о том, что вопрос о замене воинской повинности для лиц, отказывающихся от исполнения ее, общественными работами, может быть рассматриваема на имеющей, по предложению царя, собратся конференции, мне кажется совершенно ошибочной, — уже по одному тому, что самая конференция не может быть ни чем иным, как одним из тех лицемерных учреждений, которые имеют целью не достижение мира, но, напротив, скрывание от людей того единственного средства достижения всеобщего мира, которое уже начинают видеть передовые люди.

Конференция, говорят, будет иметь целью если не разоружение, то прекращение увеличения вооружений. Предполагается, что на этой конференции представители правительств условятся о том, чтобы не увеличивать больше своих вооружений. Если это так, то невольно представляется вопрос, как будут поступать правительства тех государств, которые во время сбора конференции случайно слабее, чем их соседи? Едва ли такие правительства согласятся и в будущем оставаться в таком же более слабом, чем их соседи, положении. Если же они согласятся оставаться в таком более слабом положении, твердо веря

в силу постановлений конференции, то им можно быть и еще слабее и вовсе не тратиться на войско.

Если же дело конференции будет состоять в том, чтобы уравнивать военные силы государств и на этом остановиться, то если бы даже и могло быть достигнуто такое невозможное уравнение, невольно возникает вопрос: почему правительства должны остановиться на таком вооружении, которое существует теперь, а не на более низком. Почему нужно, чтобы у Германии, Франции, России, скажем примерно, было по миллиону солдат, а не по 500 тысяч, не по 10 тысяч, не по одной тысяче солдат. Если можно уменьшить, то почему не уменьшить до минимума, и, наконец, почему бы не выставлять вместо войск — борцов: Давида и Голиафа, и решать международные дела, смотря по тому, кто поборет?

Говорят: конфликты правительств будут решаться третейским судом. Но, — не говоря уже о том, что решать дело будут не представители народа, а представители правительств, и потому нет никакого ручательства о том, что решения эти будут правильны, — кто же будет приводить в исполнение решения этого суда? — Войска. — Чьи войска? — Всех держав. — Но ведь сила этих держав не равная. Кто, например, приведет на континенте в исполнение решение, которое, предположим, будет невыгодно для Германии, России или Франции, соединенных в союз; или кто приведет на море — решение, противное интересам Англии, Америки, Франции? Решение третейского суда против военного насилия государств будут приводиться в исполнение военным насилием, т. е. то самое, что нужно ограничить, будет средством ограничения. Чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвост.

Я помню, во время осады Севастополя, я сидел раз у адъютантов Сакена, начальника гарнизона, когда в приемную пришел князь С. С. Урусов, очень храбрый офицер, большой чудака и вместе с тем один из лучших европейских шахматных игроков того времени. Он сказал, что имеет дело до генерала. Адъютант повел его в кабинет генерала. Через десять минут Урусов прошел мимо нас с недовольным лицом. Провожавший

его адъютант вернулся к нам и, смеясь, рассказал, по какому делу Урусов приходил к Сакену. Он приходил к Сакену затем, чтобы предложить вызов англичанам сыграть партию в шахматы на передовую траншею перед 5-м бастионом, несколько раз

62

переходившую из рук в руки и стоившую уже несколько сот жизней.

Несомненно, что было бы гораздо лучше сыграть на траншею в шахматы, чем убивать людей. Но Сакен не согласился на предложение Урусова, понимая очень хорошо, что сыграть в шахматы на траншею можно бы было только тогда, когда бы было полное взаимное доверие сторон в исполнении постановленного условия. Присутствие же войск, стоявших перед траншеей, и пушек, направляемых на нее, показывало, что доверия этого не существует. Пока были войска с той и другой стороны, — было ясно, что дело решится не шахматами, а штыками. Точно то же и с международными вопросами. Для того, чтобы они могли быть решены третейским судом, нужно, чтобы было полное взаимное доверие держав о том, что они исполнят решение суда. Если есть это доверие, то не нужно совсем войск. Если же есть войска, то ясно, что нет этого доверия, и международные вопросы не могут решаться ни чем иным, как только силою войск. Пока есть войска, то они нужны для того, чтобы не только вновь приобретать, как это теперь делают все государства — кто в Азии, кто в Африке, кто в Европе, — но и для того, чтобы удержать силою то, что приобретено силою. А приобретать и удерживать силою можно, только побеждая. Побеждают же всегда только *gros bataillons*. И потому, если правительство имеет войско, то оно должно иметь его как можно больше. И в этом состоит его обязанность. Если правительство не делает этого, то оно не нужно. Правительство может делать очень многое во внутреннем управлении: может освобождать, просвещать, обогащать народ, строить дороги, каналы, колонизировать пустыни, устраивать общественные

работы, но одного не может делать, именно того, для чего собирается конференция, т. е. уменьшать свои военные силы.

Если же цель конференции, как это видно из последних разъяснений, будет состоять в том, чтобы изъять из употребления представляющиеся людям особенно жестокими орудия истребления (почему бы в том числе и прежде всего не постараться изъять заодно и перехватывание писем, подмену телеграмм, и шпионство, и все те ужасающие подлости, которые составляют необходимое условие военной обороны?), — то такое запрещение пользоваться для борьбы всеми теми средствами, которые есть, совершенно так же возможно, как запрещение людям,

которые дерутся за свою жизнь, касаться в драке наиболее чувствительных частей тела. И почему рана и смерть от разрывной пули хуже, чем рана в очень болезненное место от самой простой пули или осколка, от которых страдания доходят до последней степени и наступает та же самая смерть, как и от какого бы то ни было орудия?

Поразительно, как могут взрослые и душевно здоровые люди серьезно высказывать такие странные мысли.

Положим, дипломаты, посвящающие свою жизнь лжи, так привыкли к этому пороку и постоянно живут и действуют в такой густой атмосфере лжи, что им самим незаметна вся бессмысленность и лживость их предложений; но как могут частные люди, — честные частные, не те, которые для того, чтобы подделаться к царю, восхваляют его смешное предложение, — как могут честные частные люди не видеть того, что результатом этой конференции не может быть ничего другого, как только закрепление того обмана, в котором правительства держат своих подданных, как это было при священном союзе Александра I-го?

Конференция будет иметь целью не установление мира, а сокрытие от людей единственного средства освобождения их от бедствий войны, состоящее в отказах отдельных лиц от участия

в военном убийстве, и потому конференция никак не может принять на обсуждение этого вопроса.

С отказывающимися по своим убеждениям от воинской повинности всякое правительство всегда поступит так же, как поступило русское правительство с духоборами. В то самое время, когда оно публиковало на весь мир свои будто бы миролюбивые намерения, оно, стараясь скрыть это от всех, мучило, разоряло и изгоняло самых миролюбивых людей России только за то, что они были миролюбивы не на словах, а на деле и потому отказывались от военной службы. Точно так же, хотя и менее грубо, поступали и поступают все европейские правительства в случаях отказов от воинской повинности. Так поступало и поступает австрийское, прусское, французское, шведское, швейцарское, голландское правительства и не могут поступать иначе.

Они не могут поступать иначе потому, что, управляя своими подданными силою, которую составляет дисциплинированное войско, они никак не могут предоставить уменьшение этой силы

и, следовательно, своей власти случайным настроениям частных лиц, тем более, что, по всем вероятностям, как только была бы допущена для всех замена военной службы — рабочей, то огромное большинство людей (никто не любит убивать и быть убитым) предпочло бы работу военной службе, и очень скоро набралось бы столько рабочих и так мало осталось бы военных, что некому бы было заставить работать рабочих.

Запутавшиеся в своем многословии либералы, социалисты и другие, так называемые передовые деятели, могут воображать, что их речи в палатах и собраниях, их союзы, стачки, брошюры суть явления очень важные, но что отказы отдельных лиц от военной службы суть ничтожные, на которые не стоит обращать внимания; но правительства знают очень хорошо, что для них важно и что не важно, и правительства охотно допускают всякие либеральные и радикальные речи в рейхстагах, и союзы рабочих, и социалистические демонстрации, и даже сами

делают вид, что сочувствуют этому, зная, что эти явления очень полезны для них, отвлекая внимание народов от главного и единственного средства освобождения; но никогда открыто не допустят отказов от военной службы или отказов от податей для военной службы (это одно и то же), потому что знают, что такие отказы, обнажая обман правительства, под корень подрывают власть их.

До тех пор, пока правительства будут управлять своими народами силою и будут желать, как теперь, приобретать новые владения (Филиппины, Порт-Артур и т. п.) и удерживать приобретенные (Польшу, Эльзас, Индию, Алжир и т. п.), до тех пор они сами не только никогда не уменьшат войска, но, напротив, будут постоянно увеличивать их.

На днях было известие о том, что американский полк отказался идти в Ило-Ило. Известие это передается как нечто удивительное. А между тем удивляться можно только тому, как такие явления не повторяются постоянно: каким образом могли все те русские, немецкие, французские, итальянские, американские люди, воевавшие в последнее время, по воле чуждых и, большей частью, не уважаемых ими людей, идти убивать людей другого народа и самим подвергаться страданиям и смерти?

Казалось бы, так ясно и естественно всем этим людям опомниться, если еще не в то время, когда их вербовали в солдаты, то хоть в последнюю минуту, когда их ведут на неприятеля:

65

остановиться, бросить ружья и закричать противникам, чтобы и они сделали то же.

Казалось бы это так просто, естественно, что все должны бы поступать так. Но если люди не поступают так, то происходит это только оттого, что люди верят правительствам, уверяющим их, что все те тяжести, которые несут люди для войны, накладываются на них для их же блага. Все правительства с поразительной наглостью всегда уверяли и уверяют, что все те военные приготовления и даже самые войны, которые они

ведут, нужны для мира. Теперь в этой области лицемерия и обмана делается еще новый шаг, состоящий в том, что те самые правительства, для существования которых необходимы войска и войны, делают вид, что они озабочены изысканием мер для сокращения войск и уничтожения войн. Правительства хотят уверить народы, что отдельным людям нечего заботиться об избавлении себя от войны; сами правительства на своих конференциях устроят так, что сначала уменьшатся, а потом и совсем уничтожатся войска. Но это — неправда.

Уменьшиться и уничтожиться войска могут только против воли и никак не по воле правительства. Уменьшатся и уничтожатся войска только тогда, когда люди перестанут доверять правительствам и будут сами искать спасения от удручающих их бедствий и будут искать этого спасения не в сложных и утонченных комбинациях дипломатов, а в простом исполнении обязательного для каждого человека, написанного и во всех религиозных учениях и в сердце каждого человека, закона о том, чтобы не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, тем более не убивать своего ближнего.

Уменьшатся, а потом и уничтожатся войска только тогда, когда общественное мнение будет клеймить позором людей, продающих из-за страха или выгоды свою свободу и становящихся в ряды убийц, называемых войском; а людей — теперь неизвестных и даже осуждаемых, — которые, несмотря на все гонения и страдания, переносимые ими за это, отказываются, отдав свою свободу в руки других людей, стать опять орудиями убийства, — будет выставлять тем, что они есть: передовыми борцами и благодетелями человечества.

Только тогда сначала уменьшатся, а потом совсем уничтожатся войска, и наступит новая эра в жизни человечества.

И время это близко.

И вот почему я думаю, что мысль ваша о том, что отказы от воинской повинности суть явления огромной важности и что

они освободят человечество от бедствий военщины, — совершенно справедлива; мысль же ваша, что этому может содействовать конференция, — совершенно ошибочна. Конференция может только отвести глаза народа от единственного средства спасения и освобождения.

Л. Толстой.

Москва. Январь 1899 г.

КОММЕНТАРИЙ

«ПО ПОВОДУ КОНГРЕССА О МИРЕ. ПИСЬМО К ШВЕДАМ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Установить точную дату начала писания ответа шведам не представляется возможным. Ни в Дневнике, ни в письмах Толстого об этом нет упоминаний. Первая рукопись-автограф не сохранилась. Копия, являющаяся первой среди оставшихся рукописей, датирована Толстым после исправления ее, 9 января 1899 г. Очевидно, около этого числа и была написана первая черновая редакция письма.

12 января Толстой уже обещает В. Г. Черткову прислать «на днях» «два своих письма».2 «И то и другое готовится», — добавляет Толстой в письме (см. т. 88, стр. 150). И в тот же день он запрашивает письмом шведского писателя и переводчика Ионаса Стадлинга, «можно ли прислать» ему текст ответа шведам, с тем чтобы «перевести его и напечатать» (т. 72, стр. 31). Стадлинг в письме от 31 января н. с. сообщил, что он «будет рад получить и перевести» ответ Толстого на шведский и английский языки, и просил выслать рукопись (т. 72, стр. 32).

24 января Толстой выслал рукопись и в Швецию и В. Г. Черткову. Об этом он известил Черткова (см. т. 88).

Однако вскоре после отсылки рукописи Толстой вновь стал исправлять ее и телеграммой запросил Стадлинга, можно ли внести в текст письма новые исправления. Стадлинг ответил отрицательно.

Текст телеграммы Толстого, так же как и текст ответа Стадлинга, неизвестен; но об этом Толстой сообщил В. Г. Черткову в письме от 5 февраля: «Третье дело это письмо мое шведам. Я хотел исправить его (оно

нескладно) и спросил телеграммой, успею ли? Мне ответили, что письмо уже отпечатано и послано в Англию, так что исправленную версию я пришлю вам, чтобы вы поступили с ней, как знаете» (т. 88, стр. 154.).

Таким образом, в переводе на иностранные языки письмо к шведам появилось не в последней редакции. 14 марта н. с. Стадлинг сообщил Толстому: «Я перевел ваше письмо и напечатал его по-шведски («Aftonbladt»), по-английски («The Daily Chronicle») и по-немецки («Lokal Anzeiger»)».3

В последней редакции письмо было напечатано в «Листках Свободного слова», Purleigh, Essex, England, 1899, № 6, с данным редакцией заглавием: «По поводу конгресса о мире. Письмо к шведам», и в «Свободной мысли» 1899, № 1.

В настоящем издании письмо к шведам печатается по тексту изд. «Свободного слова».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСИ

1. Копия (автограф неизвестен) рукой Н. Н. Ге (сына) с большими исправлениями и дополнениями Толстого. 21 л. 4°, заполненных с лицевых сторон (часть оборотов занято вставками Толстого) и 1 л. F° (автограф-вставка). Начало: «Милостивые Государи. Мысль, высказанная». Конец: «эти несовместимые». Под текстом подпись и дата Толстого: «9 я. 99. Л. Т.». Текст этой рукописи в первоначальном виде без исправлений Толстого опубликован в т. 72, стр. 9—13.

2. Копия рук. № 1 рукой А. П. Иванова с большими исправлениями Толстого. 8 л. почтового формата, заполненных с обеих сторон (л. 8 — с одной стороны). Начало: «Милостивые Государи. Мысль, высказанная». Конец: «спасения и освобождения».

3. Копия рук. № 2 рукой А. П. Иванова с большими исправлениями и дополнениями Толстого. 5 л. F°, заполненных, кроме л. 5, с обеих сторон, и 2 л. почтового формата и 2 отрезка — автографы-вставки. Начало: «Милостивые Государи. Мысль, высказанная». Конец: «спасения и освобождения».

4. Копия рук. № 3 рукой А. П. Иванова с исправлениями и дополнениями Толстого. 5 л. F°, заполненных с обеих сторон, и 1 л. F° и 1 отрезок — автографы-вставки. Начало: «Милостивые Государи. Мысль, высказанная». Конец: «спасения и освобождения».

5. Автограф. 1 л. — отрезок. Вставка в письмо со знаком Весь текст зачеркнут красным карандашом. Начало: «<играть в шахматы>». Конец: «<кто в Африке, кто в Европе.>». В описанных рукописях местоположение этой вставки (как по знаку # так и по смыслу ее) не установлено. Возможно, что она была сделана к первому, несохранившемуся автографу.